

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1906. Т. 3. № 11. С. 177–192 (1-я пагин.). (Продолжение.)

Имя Христа ж) омонимически прилагается и къ иконѣ Христа; икона называется Христомъ, подобно тому, какъ это есть съ царемъ и изображеніемъ царя. Къ кресту же это имя приложить невозможно, ибо никто изъ здравомыслящихъ не назоветъ никогда крестъ Христомъ. Отсюда то, что связано съ именемъ Его и съ изображеніемъ тѣла, честнѣе, чѣмъ то, что не имѣетъ отношенія къ нимъ. Слѣдовательно, икона честнѣе изображенія креста.

з) Причина предшествуетъ слѣдствію, особенно причина дѣйствующая, но то, что предшествуетъ, болѣе честно, чѣмъ то, въ отношеніи къ чему оно является предшествующимъ. Такъ какъ страданіе тѣла Христова есть причина изображенія креста и тѣло есть главная причина изображенія, то икона тѣла Христова, какъ дѣйствующая причина изображенія креста, честнѣе.

и) Сверхъ сего то, что дѣлается ради чего либо, ниже того, ради чего дѣлается. Если крестъ Господень изготовляется ради тѣла, то необходимо и въ изображеніяхъ ихъ изображеніе креста считается ниже. То ниже, что имѣетъ и предшествующее болѣе низкое.

Итакъ, многія соображенія доказываютъ, что хотя мы почитаемъ и изображеніе животворящаго креста, однако икона Христа, согласно выводамъ и изслѣдованію въ предшествующемъ изложеніи, честнѣе его. Посему тотъ, кто заявляетъ, что онъ чтитъ крестъ, будетъ также чтить и икону Господа. Если же онъ не чтитъ иконы, то тѣмъ болѣе онъ не долженъ чтить крестъ.

Наконецъ, Х, мы видимъ во многихъ мѣстахъ изображеніе распятія Господня на иконахъ. По обыкновенію оно изготовляется такъ: тѣло представляется висящимъ, руки распростертыми и пригвожденными. И все это изображаетъ предъ нами дивнѣйшее изъ чудесъ и главнѣйшее изъ всего, чѣмъ мы спасены,—

спасительное страданіе Христово. Что же дѣлать въ этомъ случаѣ врагамъ креста Христова? Необходимо одно изъ двухъ: или, покланяясь кресту, одновременно покланяться и иконѣ, если только они не хотятъ отказать отъ своего заявленія; или же, отвергая икону, вмѣстѣ съ нею отвергнуть и крестъ. Избравъ второе, они въ концѣ концовъ зачеркиваютъ и самый крестъ и все домостроительство Христово, какъ отрицатели этого домостроительства, и тѣмъ обнаруживаютъ лживость своихъ заявленій. Еслибы они были хотя сколько нибудь искренни, то должны бы чтить прежде всего икону, какъ дѣйствующую и производящую причину креста, ибо все, о чемъ говорится, что оно существуетъ въ отношеніи къ чему либо, ниже того, чрезъ что оно существуетъ. И если дѣйствительно досточтимъ крестъ, то тѣмъ болѣе досточтима икона, стоящая къ нему въ отношеніи причины ибо крестъ существуетъ по причинѣ иконы, а не обратно—икона по причинѣ изображенія креста. Вѣдь когда начертывается на первомъ планѣ образъ Христа, то вмѣстѣ уже съ Нимъ изображается и крестъ который начертывается сообразно положенію вытянутаго тѣла и распростертыхъ рукъ и является необходимо и естественно соразмѣрнымъ съ изображеніемъ тѣла. Кто скажетъ, что начертывающій такимъ образомъ икону Господа, даже не желая того, начертываетъ одновременно и изображеніе креста, тотъ не уклонится отъ истины. Изъ сказаннаго развѣ не ясно безуміе и нечестіе иконоборцевъ? Они дѣлаютъ видъ что почитаютъ менѣе чтимое, но въ то же время совершенно отвергаютъ болѣе чтимое. Но такъ поступаютъ они не потому, что почитаютъ крестъ,—развѣ могутъ почитать его тѣ, которые много разъ низвергали его, сожигали и попирали скверными и грязными

ногами,—а для того, чтобы не показаться, что они ниспровергаютъ въ основѣ всѣ святыни церкви, когда стараются при всякомъ случаѣ уничтожить божественное изображеніе Христа, ибо тяжело имъ видѣть Христа на иконѣ. Подобно тому, кто, желая избавиться отъ естественнаго недостатка, измѣняетъ свою наружность украшеніями, и они въ почитаніи (креста) стараются найти для себя благовидное оправданіе.

36.— Что же нужно сказать объ изображеніи креста? Они попираютъ и безчестятъ, можно сказать, даже первообразъ креста, чтимое и покланяемое у насъ вѣрующихъ честное и животворящее древо. Частицы этого древа, по древнему обычаю управляемыя у христіанъ въ золото и серебро и называемыя предохранителями (*φυλακτήρια*), мы носимъ на шеѣ ниспадающими на грудь въ охраненіе и обезопасеніе жизни нашей и для спасенія душъ и тѣлъ нашихъ. Отсюда и самое названіе ихъ, ибо мы вѣримъ, что оно дано имъ для уврачеванія немощей и отгнанія искушеній отъ нечистыхъ бѣсовъ, причемъ на нихъ часто изображаются страданія Христа, чюдеса и животворящее воскресеніе. Среди христіанъ они распространены въ безчисленномъ множествѣ. За что же принимаютъ ихъ нечестивцы? Спасительное они считаютъ гнуснымъ и вождельнное заслуживающимъ отверженія. Отдѣляя оправы отъ частицъ честнаго древа, они расплавляютъ ихъ и представляютъ, какъ вещь ненужную, ничтожную, не заслуживающую никакого вниманія. Они объюродѣли и омрачили до того, что отвергаютъ и уничтожаютъ то, что нужно бы беречь и хранить для сохраненія и безопасности собственной жизни. Они дѣлаютъ нѣчто похожее на то, какъ еслибы кто, владѣя безопасной оградой и сильнымъ укрѣпленіемъ, но нерадѣя о соб-

ственной безопасности и спасеніи, неразумно уничтожилъ это и попалъ въ плѣнъ къ напавшимъ на него. Чтоже отсюда слѣдуетъ? Уничтожая эти святыни вмѣстѣ съ другими, они тѣмъ самымъ явно показываютъ ихъ равночестность съ ними. И какимъ образомъ, еслибы эти святыни заслуживали отверженія, христіане издревле соединяли и приготавливали ихъ вмѣстѣ съ честнымъ древомъ? Всегда съ правомъ мы можемъ говорить врагамъ креста Христова, что тяжело имъ видѣть Христа на иконѣ, и память о Немъ едвали не тяжелѣе и не ненавистнѣе для нихъ, чѣмъ для Іудеевъ и язычниковъ, къ которымъ ихъ благовременно сопричислить.

37. „Но съ изображеніями Христа, говорятъ они, начертывается и нѣчто другое—гнусное и отвратительное, напримѣръ на иконѣ воскресенія—адъ попираемый,—діаволь побѣжденный и поверженный и тому подобное. незамѣтно и всему этому воздается поклоненіе. Отсюда недопустимо поклоняться и иконѣ Христа“. Безумцы здѣсь попадаютъ въ собственные сѣти. Оказывается, они думаютъ тоже самое, въ чемъ обвиняютъ и насъ. Они противъ воли признаютъ, что честь, воздаваемая образамъ, восходитъ къ первообразамъ. Ибо если именно поэтому они отвергаютъ все упомянутое, то тѣмъ болѣе должны быть чтимы святыни, дабы честь восходила къ первообразу. Изъ этого очень легко догадаться, что они мало по малу начинаютъ обнаруживать и вскрывать предъ болѣе понимающими, отъ многихъ доселѣ ускользавшій, коварный и лукавый взглядъ на крестъ Христа. Установивъ такую точку зрѣнія, они, по Божію попущенію, потомъ естественно и послѣдовательно могутъ заявить, что не будутъ поклоняться и распятому Христу, такъ какъ съ Нимъ сораспаты злодѣи и разбой-

ники. Но мы христіане бодрствуемъ и не обратились въ животныхъ подобно имъ. Мы знаемъ, чему покланяемся. Священные изображенія мы почитаемъ, какъ святыни, а упомянутыя скверности разсматриваемъ и признаемъ, какъ омертвѣлое и попираемое. Боголюбивые живописцы начертали ихъ не въ воздаяніе чести, а представляя ихъ жалкое и страшное паденіе. Взирая на это, мы прославляемъ ниспровергшаго Господа и вслѣдствіе того еще усерднѣе покланяемся честному изображенію Его, приводя себѣ на память совершенныя Имъ для насъ достоивныя благодѣянія и общее спасеніе рода нашего. Мы дивимся величію Его и воспѣваемъ человѣколюбивое снисхожденіе Его. На основаніи настоящаго размышленія о будущемъ можно сказать, какъ они будутъ относиться и къ священному Евангельскому повѣствованію, обвиняя его за упоминаніе о бѣсахъ и духахъ нечистыхъ. Но не ради бѣсовъ, а ради Чудотворившаго и изгонявшаго бѣсовъ и Исцѣлявшаго недуги несомнѣнно составлено было это повѣствованіе. И поклоненіе наше не относится къ бѣсамъ одновременно съ Евангеліемъ; оно хотя и воздается въ чувственной формѣ чувственно зримымъ святынямъ, однако мысленно мы возносимъ почитаніе Виновнику ихъ. При томъ все это совершается символически, ибо наше поклоненіе и служеніе истинно и собственно, по слову Спасителя, есть поклоненіе въ духѣ и истинѣ (Іоан. 4, 22—23). Мы знаемъ, чему мы покланяемся, а они не знаютъ, чему мы покланяемся, ибо не знаютъ великой тайны божественнаго домостроительства.

38.—Сверхъ того они говорятъ: „ты описываешь Христа до Его страданій и воскресенія. Но что ты будешь говорить послѣ воскресенія? Ибо обстоятельства не пребыли одинаковыми: тѣло Христа отселѣ

здѣлалось нетлѣннымъ и, слѣдовательно, безсмертнымъ. Какимъ же образомъ допустимо твое описаніе? И какъ можно описать Вошедшаго къ ученикамъ при затворенныхъ дверяхъ и не связаннаго никакими препятствіями?“ Безстыдно подражая дерзости докетовъ, они пустословятъ, что одинъ изъ учениковъ своими руками не прикасался къ божественнымъ ребрамъ, что, получивъ повелѣніе Спасителя, не привелъ этого повелѣнія въ исполненіе. Вслѣдствіе этого Спаситель не былъ видимъ тѣлесно; и тѣло Его не было настоящее тѣло. Такимъ образомъ въ ихъ глазахъ и Евангеліе не заслуживаютъ вѣры. Но недоумѣвающий касательно этого пусть обратитъ вниманіе на слѣдующее: сказавъ *вошедшій*, ты разрѣшилъ недоумѣніе, потому что входить и выходить, перемѣщаться отсюда туда, есть ничто иное, какъ признакъ описуемости. То, что находится внутри и не находится въ то же время внѣ,—безъ сомнѣнія описуемо. Это же можно наблюдать и во время воскресенія, когда былъ положенъ камень на гробъ и запечатанъ, ибо возставшее тѣло не было одновременно во гробѣ. Изъ сего необходимо слѣдуетъ, что оно описуемо. Притомъ возстаніе изъ мертвыхъ, нахожденіе внутри дома при затворенныхъ дверяхъ и подобныя этимъ явленія происходятъ не по закону тѣла и нашего матеріальнаго и тлѣннаго естества. И раньше страданій видѣли Спасителя шествовавшимъ по волнамъ, прикосновеніемъ руки воскресавшимъ мертвыхъ и совершавшимъ другія подобныя чудеса тѣлесно. Все это мы не называемъ признаками тѣла, а Спасителя не называемъ безтѣлеснымъ. Все это было совершенно могущественной необоримой солою, которой покорялось все, и совершенно именно чудесно, а не по свойству тѣла. А когда послѣ воскресенія оно возблистало красотой нетлѣнія,

содѣлалось безсмертнымъ, совершенно очистилось отъ тлѣнія и дебелости вмѣстѣ съ соединеннымъ съ нимъ ипостасно и не отдѣлимымъ отъ него естествомъ, отъ котораго оно восприняло преестественныя свойства, то совершало дѣйствія, превышающія природу тѣла, и, какъ естественно, свойственныя не просто тѣлу, но тѣлу божественному и нетлѣнному.

Содѣлавшись такимъ, Спаситель однако былъ видимъ, хотя не такъ, какъ прежде, когда обращался со всѣми. Онъ являлся только лицамъ, достойнымъ такого созерцанія и показывалъ имъ слѣды распятія на крестѣ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ ученикъ (и это мы принимаемъ охотно и съ вѣрою), осязавшій божественныя ребра и громко и ясно воскликнувшій: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. 20, 28),—также честныя жены, осязавшія пречистыя ноги, а сверхъ того и спутники съ горѣвшимъ сердцемъ и съ глазами, удержанными во время бесѣды отъ признанія Его (Лук. 24, 16), что разрѣшилось только послѣ преломленія хлѣба. И самъ Іисусъ принялъ пищу и питіе, хотя тѣло Его было нетлѣнно, и сдѣлалъ Онъ это не вслѣдствіе нужды, а по снисхожденію и домостроительно, дабы вѣрили, что это былъ именно Онъ, и чтобы таинство воскресенія считалось истиннымъ, а не мнимымъ. Равнымъ образомъ какъ же божественные ученики могли видѣть Взятаго изъ среды ихъ возносящимся на небо, какъ соучастника Отчей славы, имѣющаго придти снова также, согласно приглашенію предпосланныхъ премірныхъ силъ, если тѣло было неопишимо? Или какъ великій Стефанъ, первый и величайшій мученикъ, во время истязанія, немного спустя послѣ вознесенія Спасителя на небо, видѣлъ, какъ подобаешь видѣть человѣку, исполненному такой благодати и насколько это могла преестественно вмѣ-

ститъ человѣческая природа? Не созерцалъ-ли онъ Спасителя въ образѣ, въ которомъ онъ былъ видимъ на землѣ у насъ, стоящимъ одесную отчей славы? Ибо какъ иначе онъ могъ сказать: *вижу небеса отверстыя и сына человеческого стоящаго одесную Бога* (Дѣян. 7, 56)? Тому же ясно научаютъ насъ и изреченія святыхъ отцовъ, которыя мы представимъ послѣ? Хотя враги наши и Евангелія не вѣрятъ въ это и отгоняютъ даже Христа, такъ какъ думаютъ, что ученики видѣли духъ и что все произошло внѣ тѣла, мы однако, возглашая неложность этого, утверждаемъ, что Христосъ описуемъ именно потому, что Онъ снизшелъ и вочеловѣчился, такъ что зрѣніемъ мы познаемъ саму истину.

39.—Но какимъ образомъ все прочее измѣнилось:—смертное сдѣлалось безсмертнымъ, тлѣнное оказалось нетлѣннымъ, страстное безстрастнымъ, тогда какъ описуемое не стало неопикуемымъ? Мы заявляемъ, что въ составѣ человѣческаго естества Творецъ изначала создалъ съ одной стороны силу духовную, разумную способность чувствованія, воли или, лучше сказать, самоопредѣленія и тому подобное. Въ тоже время челоуѣкъ, взятый изъ земли, получаетъ тѣлесную форму, становится тѣломъ, которое естественно видимо, осязаемо и описуемо. И никто изъ обладающихъ разумомъ не можетъ сказать, что оно неопикуемо. Но съ внѣшней стороны уже послѣ созданія произошло прибавленіе въ тѣмѣ: то, что привзошло въ него изъ за нарушенія заповѣди Творца, стало какъ бы прирожденнымъ. Первозданному челоуѣку рѣшеніемъ Творца была предназначена жизнь; въ тоже время вмѣстѣ съ закономъ ему была дана свобода выбора: при соблюденіи этого закона онъ унаслѣдовалъ бы высшее, подобающее ангеламъ, блаженство; а въ слу-

чаѣ нарушенія его онъ долженъ былъ подвергнуться наихудшей, самой скорбной участи. Избравъ по искушенію змія эту послѣднюю, онъ естественно тотчасъ становится подверженнымъ тлѣнію и смерти, и безчисленное множество другихъ немощей привходитъ въ него,—ибо тлѣніе и смерть не были сотворены вмѣстѣ съ первозданнымъ, иначе не было бы нужды въ древѣ жизни, которое росло въ раю. Владыка твари по преизбыточеству человѣколюбія и неизреченному милосердію, желая избавить отъ тлѣнія подверженное смерти естество и возвести его въ начальное блаженство, не погнушался воспринять тѣло, которое, какъ извѣстно, принадлежитъ осужденному и всѣмъ намъ, причастникамъ этого осужденія, и которое тлѣнно и смертно. Какъ тѣло, оно не можетъ быть чуждо описуемости, пока остается тѣломъ. Такъ Онъ позналъ тѣлесную смерть, которой не подлежалъ, и заплатилъ за насъ долгъ, дабы собою искупить преступленіе Адама, и, возстановляя побѣжденное естество, поднималъ павшаго. *Яко беззаконія не сотвори, ниже обрѣтется лѣсть во устѣхъ его* (Ис. 53, 9). Онъ упразднилъ смерть, уничтожилъ тлѣніе, и, будучи истинною жизнію по природѣ и источникомъ безсмертія, явилъ Себя побѣдителемъ смерти и тлѣнія. Плоть Его не видѣла тлѣнія, которое было поправлено и уничтожено Побѣдителемъ міра, ибо была охраняема высочайшею и всемогущею силою слова, хотя по своей природѣ и подлежала тлѣнію. Затѣмъ Онъ воскресъ послѣ трехъ дней, очистивъ Собою всѣ вслѣдствіе грѣха прившедшіе въ естество изъяны и недостатки, содѣлавшись приношеніемъ и залогомъ за наше бренное естество, явивъ такимъ образомъ Свое твореніе чистымъ и несквернымъ и даровавъ ему сіяніе собственной славы. Также во время крещенія Онъ совершилъ

наше очищеніе, будучи самъ верхомъ всякой чистоты. Вѣмъ этимъ человѣкъ былъ бы обогащенъ и издревле, еслибы первозданный соблюлъ заповѣди Творца, ибо Творецъ предназначилъ для него безсмертіе и восхожденіе къ лучшему. Этому научаютъ насъ и наши наставники. Апостолъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ: *сего ради якоже единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся чловѣки вниде* (Рим. 5, 12). Тоже содержится въ мудрыхъ изреченіяхъ нѣкоторыхъ древнихъ, гдѣ написано, что *Богъ смерти не сотвори. Созда бо во еже быти вѣмъ, и спасительны бытія міра, нѣбо есть въ нихъ врачеванія губительнаго* (Прем. Сол. 1, 13—14), и что *Богъ созда чловѣка въ неистлѣніе; завистію же діаволею смерть вниде въ міръ* (Прем. 2, 24). Согласно съ этимъ провозглашаютъ и богословствующие отцы. Итакъ высшую помощь получило именно то, что нуждалось въ ней. Тѣло отнюдь не должно было сдѣлаться безтѣлеснымъ и стать неопикуемымъ, ибо чловѣкъ не былъ сотворенъ безъ тѣла, и тѣло не было дано чловѣку только въ послѣдствіи за грѣхъ,—вѣдь въ такомъ случаѣ не было бы ни чловѣка, ни приступленія. И въ чемъ могъ быть совершаемъ грѣхъ, какъ не въ страстяхъ тѣла, которыя вошли въ него ради содѣяннаго грѣха? Итакъ, во Христѣ естество наше обновляется и спасается. Тѣло, воспринятое Богомъ, обожествилось всецѣло, преобразовалось въ лучшее, увѣнчалось неизреченнымъ благолѣпіемъ, пребывало впредь духовнымъ и превосходитъ матеріальную и земную дебелисть. Но оно не перестало быть тѣломъ, осталось тѣломъ какимъ бы то ни было и поэтому подлежитъ описанію (*περιγράφεται πέφυκεν*), — ибо описуемость (*ἡ περιγραφή*) происходитъ не отъ нѣ и отъ грѣха, какъ входитъ тлѣніе и прочія немощи, но изъ него самаго;

оно есть, такъ сказать свойство, самоопредѣленіе, сущность тѣла. И если кто станетъ опредѣлять тѣло, какъ имѣющее тройное измѣреніе, какъ физическое, органическое, обладающее жизненною силою, какъ изобразимое и поддающееся заключенію въ предѣлы,—а это все свойства нашего тѣла,—тотъ не сказалъ бы ничего иного, кромѣ того, что оно описуемо (*τὸ περιγραφτόν*). Послѣ воскресенія изъ мертвыхъ тѣло Христа хотя содѣлалось боговиднымъ, однако не перестало быть тѣломъ и не преобразовалось въ божественную сущность. То обстоятельство, что мы уже не знаемъ Христа во плоти (2 Кор. 5, 16), говоритъ не за упраздненіе или отложеніе плоти—это измышленіе Манихейское,—а за то, что оно изъято отъ тѣлесныхъ нуждъ, чуждо плотскихъ страстей и нашей немощи, напимѣръ утружденія въ пути, жажды, голода, боязни и тому подобнаго. „Не плоть уже, однако и безтѣлесенъ, но Ему извѣстнымъ образомъ боговиднѣйшаго тѣла“..... заявляетъ Григорій великій. Затѣмъ великій апостоль поучаетъ, что *подобаетъ тлѣнному сему облекцися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облекцися въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53). Но чтобы тѣло облеклось въ безтѣлесность, чтобы сотворенное стало не сотвореннымъ, или описуемое превратилось въ неопикуемое, объ этомъ еще доселѣ никто не слышалъ. Нѣкоторыя изъ этихъ свойствъ принадлежатъ и безтѣлеснымъ, потому что и ангелы суть созданія Божіи и, поскольку имѣютъ начало, они описываются временемъ (*τῷ ἡρχθαι ἔσχατο περιγράφεσθαι*). Итакъ необходимо сказать, сообразно исповѣданію христіанской религіи или ученію католической и апостольской Церкви, что Христосъ и Богъ нашъ послѣ того, какъ восшелъ на небо и возсѣлъ одесную Бога Отца, сохранилъ воспринятое естество безъ умаленія, причемъ

не отпала ни одна изъ частей, которыя характеризуютъ его составъ. Въ Немъ пребываетъ тоже тѣло, а также и душа, которою оно было одушевлено, разумная и духовная, желающая и дѣятельная, которою Онъ желаетъ и дѣйствуетъ въ промышленіи и охраненіи всего, какъ божески, такъ и человѣчески, будучи ходатаемъ за насъ предъ Отцемъ, устроая наше спасеніе и стяжая для насъ все полезное. Пресвятая и божественная душа сохраняетъ память обо всемъ, что Христосъ, обращаясь на землѣ съ людьми, совершилъ и претерпѣлъ для нашего освобожденія; она знаетъ, что ипостасно соединена съ божественнымъ Словомъ, и видитъ, какъ она прославляется и спокланяется съ нимъ, какъ душа Бога,—а не какъ просто душа,—всею разумною тварію; знаетъ также, что она отъ земли возшла на небо и снова придетъ во славу Отчей. Восхожденіе же на небо и послѣдующее снисшествіе, указывая на перемѣщеніе въ пространство и представляя движеніе, признаются дѣйствіями описуемаго тѣла. А что Слово возсѣдаетъ съ тѣломъ одесную Отца, это должно быть понимаемо не въ смыслѣ деснаго пространства, ибо неопи-суемое (*τὸ ἀπερίγραπτον*) не можетъ имѣть вида праваго или лѣваго; этимъ мы только исповѣдуемъ Славу и честь, которою почитается и прославляется Слово, какъ Сынъ Божій и предвѣчный Богъ, единосущный Отцу, причемъ Онъ пріемлетъ одинаковое поклоненіе отъ всѣхъ вмѣстѣ съ тѣломъ, ибо ипостась едина. Да превратятся въ пепелъ языки Христорборцевъ и да изсохнутъ ихъ сердца! Да заградятся уста, глаголющія неправду противъ истины, для всѣхъ ясной!

40.—Къ доселѣ сказанному они прибавляютъ: „на-писано: *не сотвори себѣ всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на землѣ низу, и елика въ водахъ подъ*

землю (Исх. 20, 4). Въ виду этого изображать Христа невозможно“. Предшествующія и послѣдующія изреченія: *да не будутъ тебѣ бози инии развѣ мене* (ст. 3), и: *не сотвори себѣ кумира* (ст. 4), и: *да не поклонишися богамъ ихъ, ниже послужиши имъ* (Исх. 23, 24), не знаю зачѣмъ, они удерживаютъ и намѣренно или ненамѣренно замалчиваютъ, можетъ быть, уклоняясь обвиненія въ богохульствѣ. Тѣмъ не менѣе и безъ того они подпадаютъ подобному обвиненію. Такъ какъ оставилъ очи ихъ страхъ Божій, а также почтеніе и подчиненіе въ отношеніи къ пресвятой и пречистой вѣрѣ нашей, то они не убоялись изображеніе Христа поставить рядомъ съ изображеніями существъ небесныхъ, земныхъ и морскихъ, не дѣлая никакого различія между подобіемъ Господа и Творца и подобіемъ тварей и рабовъ. Наши противники отличаются любовью и готовностью къ спорамъ. Мы же на такое ихъ нечестивое предложеніе отвѣтимъ указаніемъ, что, во первыхъ, это было узаконено для древнихъ Іудеевъ. (Такъ именно слѣдуетъ разсуждать съ новоявленными Іудеями). Божественнымъ велѣніемъ и при помощи необычайныхъ чудесъ Израильтяне избавились отъ тогдашняго Египетскаго нечестія. Ложная религія Египтянъ превосходила зловѣріе всѣхъ народовъ. Воспитанные въ ихъ обычаяхъ Израильтяне пережили долгій періодъ порабощенія. Богъ показывалъ попеченіе объ освобожденіи и спасеніи странствовавшаго народа ради обѣтованій, данныхъ его отцамъ. Посему богоприлично изведши израильтянъ изъ области этого нечестія и гнусности и возводя ихъ къ познанію и почитанію Себя, дѣлаетъ приведенныя указанія, дабы знали только Его—Бога и Господа всяческихъ и возносили подобающее Ему служеніе и, помня ихъ обычаи, не желали возвращенія въ страну, служив-

щую идоламъ. По своему неразумію Израильтяне, презрѣвъ тѣ изъ достоивныхъ знаменій и необычайныхъ чудесъ, какія они видѣли, отшедши не далеко отъ Египта, въ пустынѣ сдѣлали тельца. Итакъ, заповѣдь воспрещаетъ имъ дѣлать подобіе всего отринутаго: съ одной стороны всего водимаго на небѣ—солнца, луны и прочихъ созданій изъ звѣзднаго сонма, а затѣмъ тварей сущихъ на землѣ: животныхъ, звѣрей, змій, птицъ, насѣкомыхъ, а также водныхъ тварей, живущихъ и плавающихъ въ морѣ и рѣкахъ—всего того, чему на ихъ глазахъ воздавалось почтеніе и поклоненіе въ варварской землѣ. Люди, не зная истинно Сущаго, уловляемые коварствомъ лукаваго, нечестиво служили твари вмѣсто Творца (Рим. 1, 25). Виновныхъ въ этомъ, много лѣтъ спустя, Богъ укорялъ устами пророка, говоря: Я Господь Богъ твой, утвердившій небо и создавшій землю, руки коего создали все воинство небесное; не Я научилъ тебя идти въ слѣдъ чуждыхъ боговъ (Ис. 45, 12). И: Я извелъ тебя изъ земли Египетской, и не знай Бога кромѣ Меня; никто не спасетъ, кромѣ Меня (Исх. 20, 18). Въ этихъ словахъ Онъ напоминаетъ имъ заповѣди древне данныя. Итакъ, Онъ запрещаетъ имъ дѣлать подобія всего видимаго и наблюдаемаго на небѣ, на землѣ и въ водахъ, дабы по незнанію лучшаго или вслѣдствіе отверженія Творца они не воздавали всему этому поклоненія.

Повелѣніе: *не сотвори* того-то потенциально и молчаливо содержитъ повелѣніе: *сотвори* и предудказываетъ то, что будетъ повелѣно сотворить въ будущемъ. Объ этомъ заставляетъ догадываться самый характеръ рѣчи. Кто говоритъ: *не сотвори подобія* того-то, тотъ имѣетъ въ виду изготовленіе подобій чего-то другого и одобряетъ то, для узаконенія чего не при-

шло время, выражая требованіе какъ бы въ такой формѣ: не дѣлай подобія ничего того, что я не повелѣваю,—но отвращаясь чуждыхъ предметовъ почитанія, которыхъ я гнушаюсь и отвергаю, обращай вниманіе на тѣ, относительно которыхъ я далъ повелѣніе, и которыя приносятъ мнѣ радость и славу. И дѣйствительно, удерживая ихъ сначала законоположеніемъ отъ запрещеннаго, потомъ Онъ побуждаетъ къ построенію скиніи. Въ подобномъ же случаѣ какое распоряженіе даетъ хозяинъ, если онъ хочетъ въ недалекомъ будущемъ дать кому-либо изъ своихъ рабовъ приказаніе или порученіе по выполненію своихъ плановъ?—Сегодня не дѣлать того-то, не отлучаться никуда, не ходить въ поле, не стоять на площади, ибо онъ хочетъ, чтобы рабъ былъ свободенъ и готовъ для выполненія приказаній, которыя ему будутъ даны, такъ какъ завтра, можетъ быть, его придется послать въ такой-то городъ или въ такое-то мѣсто. Нѣчто подобное даетъ намъ понять и рѣчь въ разбираемомъ мѣстѣ. Она какъ бы говоритъ: не сотвори безъ Моего повелѣнія, дабы ты дѣлалъ и думалъ о томъ, что я тебѣ повелю. Послѣ этого дѣйствительно Богъ повелѣлъ тайновидцу сдѣлать скинію и что для нея потребно. Была изготовлена завѣса съ искусно вытканями херувимами. А надъ кивотомъ что сдѣлаешь? Золотыхъ говоритъ, херувимовъ чеканной работы (Исх. 25, 18). И херувимовъ называетъ не образами, а херувимами одноименно съ божественными и премірными существами. И, что всего дивнѣе,—тамъ, говоритъ, я буду открываться тебѣ. Но что славнѣе и честнѣе мѣста богоявленія? Херувимы были столько славны и о нихъ говорилось столько, что ихъ прославлялъ не только Моисей и тогдашніе Іудеи, но и самъ глашатай благодати Па-

вель, который съ большимъ еще почтеніемъ называется херувимовъ „херувимами славы, осѣняющими чистилище“ (Евр. 9, 5). Объ этомъ подробнѣе говорилось въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Кромѣ доселѣ сказаннаго въ священныхъ законоположеніяхъ Ветхаго Завѣта желающіе изслѣдовать дѣло тщательнѣе могутъ найти изреченія подобнаго же содержанія и характера—именно тамъ, гдѣ Израильтянамъ воспрещается изготовленіе идоловъ и приношеній губительному демону, какъ гнусныхъ и отвратительныхъ,—и заповѣдуются все то, что должно быть возносимо Богу, какъ желательное въ цѣляхъ напоминанія о Немъ и воздаяніа Ему чести. Такъ въ книгѣ Левитъ написано: *не сотворите себѣ образовъ рукотворенныхъ, ниже изваянныхъ, ниже столпа поставите себѣ, ниже камене поставите въ земли вашей во знаменіе, во еже покланяться ему: азъ есмь Господь Богъ вашъ* (Лев. 26, 1). Кто настолько неразуменъ, чтобы сомнѣваться въ томъ, что это сходно съ словами: *не сотвори всякаго подобія предметовъ запрещенныхъ*—въ выше-приведенныхъ законоположеніяхъ?

Во Второзаконіи же относительно предметовъ, которые должно посвящать Богу, заповѣдано: *въ онъже день перейдете Иорданъ на землю, юже Господь Богъ твой даетъ тебѣ во жребій, и поставиши себѣ каменіе велико, и обѣлиши я мѣломъ и напишеша на каменехъ твоихъ вся словеса закона сего* (Второз. 27, 2). Затѣмъ немного послѣ: *да созиждеша тамо алтарь Господеву Богу твоему, алтарь отъ каменія, да не возложиши на нихъ желѣза: каменіемъ всецѣлымъ да созиждеша алтарь Господу Богу твоему, и вознесиши на немъ всесожженія Гос-*

¹⁾ Слово въ защиту непорочной, чистой и истинной нашей христіанской вѣры и противъ думающихъ, что мы покланяемся идоламъ, Гл. 70, сл. въ I т. Твореній Никифора.